

— Я же просила тебя вернуться пораньше, зачем ещё пошёл покупать столько всего?

Чтобы устроить угощение в честь возвращения Чжун Мина, обе семьи вместе готовили ужин. Чжун Чунся, только что вымыв овощи, стояла на корме лодки и выливала воду в море. Завидев Чжун Мина, она тут же опустила таз.

Чжун Мин приподнял руки, прижимая рулоны шёлка и хлопка:

— Это не я купил, это мне дали. Я так спешил вернуться, едва успел. Мне уж точно было не до прогулок по улицам.

Он стоял на берегу, и, поскольку было хорошо слышно с обеих сторон, говорил немного уклончиво, но Чжун Чунся поняла, что хоть и вернулся он поздно, но всё же не зря потратил силы, и в конце концов, получил вознаграждение.

Су И уже успел разложить в каюте стол и мешал палочками начинку для вонтонов, а Чжун Хань прилёг рядом, внимательно наблюдая. Вдруг оба гера услышали голос Чжун Мина снаружи, и старший тут же отложил палочки и выбежал наружу.

Только он успел сделать пару шагов к выходу из каюты, как увидел, что Чжун Мин, согнувшись под тяжестью сумок и свёртков, вошёл внутрь, улыбаясь им обоим:

— Быстрее, помогите, я уже не знаю, какую руку освободить первой.

Су И поспешил принять у него рулон ткани, Чжун Хань подхватил жестяную банку с чаем — всего-то пара цзиней, и даже он мог её унести. После этого Чжун Мин развязал узел у себя за спиной и снял ещё два рулона хлопчатобумажной ткани. Кроме того, при нём оказался узелок, с которым он уезжал из дома, и свёрток с серебром и серебряными банкнотами, прижатый к груди.

— Как ты умудрился привезти столько всего?

Су И ещё не знал, что в узелке лежит серебро, он только помог Чжун Мину аккуратно сложить три рулона ткани, а затем принял из рук Чжун Ханя фарфоровую банку и поставил её на пол, и уже был потрясён до глубины души.

Особенно одной из тканей: стоило приоткрыть обёртку из грубой материи, как изнутри засверкал характерный для шёлка блеск.

— Всё от семьи Хуан в подарок. А два других рулона - отличный хлопок, мягче и тоньше, чем те, что я привозил тебе в качестве свадебного дара.

Бедняки, будь то с суши или с воды, в это время почти все носили одежду из пеньки. Среди лодочников находились такие, кто умел ткать ткань из банановых волокон и продавал её в лавки, чтобы выменять что-то для хозяйства, но сами такую ткань себе позволить не могли. Зато во многих деревнях выращивали рами, и в свободное время ткали из неё пеньковую одежду для собственного обихода. Хлопчатобумажные ткани тоже делились на грубые и тонкие, а тонкие ещё и на несколько сортов. А выше всех этих - парча, атлас, шёлк и сатин, о которых они и мечтать не смели.

— Я в пошиве ничего не смыслю, ты потом сам примерь, прикинь, что сшить. Любые новые наряды, какие хочешь.

Чжун Хань был ещё мал и не очень понимал, хороша ли одежда, что на нём. Гораздо сильнее его интересовало, что было в банке, которую он только что нёс.

Чжун Мин присел на корточки и открыл крышку, и тут же разлился аромат чая.

— В этой банке чай. Мы в нём не разбираемся, пусть пока полежит, пригодится, если гости будут.

Чжун Хань, похоже, вполне проникся запахом. Он придвинулся к банке и, как щенок, потянул носом, потом облизнул губы и сказал:

— Старший брат, а мне можно пить чай?

Чжун Мин потрепал его по голове:

— Сейчас уже слишком поздно, нельзя. Выпьешь, потом всю ночь не уснёшь. Если хочешь попробовать, завтра днём заварю тебе чашку.

Ткань и чай обсудили, осталась только связка с серебром. Су И, когда раньше принимал её и откладывал в сторону, уже догадывался, что внутри. Супруги переглянулись и без слов по взаимному пониманию спрятали свёрток в сундук. Сейчас на палубах всех лодок готовили ужин, людей было много, глаза повсюду, а с серебром ещё успеется ночью, когда всё стихнет.

На ужин собирались лепить вонтоны: тесто и начинка были уже готовы, главным местом действия стала лодка семьи Чжун Мина. Кузены Тан Ин и Тан Цюэ пришли повеселиться и поучаствовать. За последние дни Су И уже успел научиться раскатывать тесто и делал это быстро и аккуратно. Чжун Хань вымыл руки, взял один лист теста, положил на ладонь и с серьёзным видом начал складывать вонтон.

Тан Дацян, узнав, что Чжун Мин вернётся вечером, заранее, в часы отлива, отправился к морю ловить рыбу. Сегодня ему повезло: в лужах у берега можно было найти застрывших рыб. Если не гнаться за прибылью и не отбирать по размеру и внешнему виду, собрать улов на ужин для

семьи было проще простого.

Когда он вернулся, то, как и надеялся, принёс три рыбины: одного большого палтуса-дубао, двух мелких скумбрий длиной в шесть-семь цуней, полведра белых моллюсков, несколько брюхоногих раков с панцирем размером с кулак, пучок морской капусты, которую обычно закладывают в щели между досками, а ещё пару ракушек-чэн и немного мелкой рыбёшки - всё это предназначалось для кошек.

Дубао решили приготовить на пару, скумбрию потушить в соевом соусе, моллюсков и раков просто сварить, морскую капусту заправить и подать в виде холодной закуски. Дома ещё оставалось немного ранее засоленного мяса. От него отрезали кусок, чтобы приготовить его с тонкими листами тофу, купленными в лавке в деревне. Получилось не хуже приличного деревенского блюда.

Курицу, утку, свиные рёбра и прочее не стали покупать — тушить долго, не успели бы. Яйца в доме были, это тоже мясное блюдо, а обжаренные с диким зелёным луком, они пахнут не хуже.

Вонтоны лепились быстро, их налепили столько, чтобы хватило на обе семьи. Су И занялся готовкой, установив горшок и разжигая огонь. Вонтоны варятся недолго, поэтому с опусканием их в воду не спешили, если приготовить заранее, к трапезе они разварятся и будут не такими вкусными.

Чжун Мин хотел было помочь, но ни Тан Дациян, ни Чжун Чунся, ни тем более Су И не позволили ему вмешаться, велели только отдыхать. Чжун Мин обошёл кругом обе лодки, но ему не дали ни малейшего дела, даже перебирать лук да чистить чеснок и то не поручили. Как тут было усидеть без дела?

Чжун Хань вместе с братом Цюэ сказали, что пойдут искать Додо и хотели взять с собой Чжун Мина, но тот не захотел уходить далеко от супруга, уселся по-турецки прямо на палубе и ни в какую - настаивал, что будет помогать Су И с огнём. Су И не нашёл, что возразить, и оставил всё как есть. А уж сколько раз за это время Чжун Мин успел ущипнуть его за руку или помять ему мизинец, пересчитать было невозможно, покоя от него не было ни на миг, но про это умолчим.

Хотя в последние дни в море у Чжун Мина не было ни недостатка в еде, ни в питье, вернувшись домой, он почувствовал настоящий волчий аппетит: за один раз съел две чашки вонтонов, больше двух десятков в каждой. Было нетрудно догадаться, какие из них лепил Чжун Хань - хорошо ещё, что не развалились в кастрюле и не расплылись супом. Остальные делал Су И — тонкое тесто, щедрая начинка, креветки упругие и сочные, в бульоне плавали водоросли и яичная стружка. Чем дальше ел, тем вкуснее становилось.

За ужином, как водится, не обошлось без вопросов, почему он вернулся так поздно. Чжун Мин рассказал, как наткнулся в море на водяное торнадо. За столом тут же все с испугом охнули, а Су И и вовсе отложил чашку и с тревогой нахмурился, напрочь забыв о еде.

— Хорошо хоть корабль семьи Хуан крепкий попался. Если бы была обычная лодка, хоть на шаг бы замешкался, и всё, затянуло бы в водоворот, и сбежать бы не успел.

Лицо Чжун Чунся заметно побледнело, в сердце у неё поднялась тревога. Тан Дацян тоже сказал, что промысел у побережья и так позволяет прокормить семью, а потому дальше в море ходить всё же стоит поменьше.

— У тебя теперь есть семья, есть фулан, есть младший брат, а потом и дети будут. Сколько бы ни зарабатывал, разве этого когда-нибудь будет достаточно? Сейчас вы и так живёте неплохо, самое время думать больше о родных.

Чжун Мин вытащил из панциря мясо брюхоногого, выдавил желчный пузырь, положил кусочек в чашку Су И, а сам под столом мягко похлопал супруга по руке, словно успокаивая, и кивнул:

— В этот раз так случайно совпало. Но если и дальше будут звать на такие дела, я уж сгоряча соглашаться не стану.

Вонтоны - блюдо больше бульонное, чем сытное, не сравнится с другими яствами, от которых по-настоящему наедаешься. За столом было семь человек, семь ртов, и семь блюд, за которыми тянулись палочки, так что к концу трапезы почти ничего не осталось. После ужина перемыли посуду, и семья Тан, сыто похлопывая себя по животам, вернулась на свою лодку.

Су И снял с печи воду, которую поставил греться ещё во время ужина, смешал её с только что принесённой пресной водой из бочки и наполнил купальную кадку, чтобы Чжун Мин мог как следует вымыться и отдохнуть.

Так как они заранее договорились с Чжун Ханем, что раз старший брат идёт мыться, младшему геру смотреть нельзя, а ещё он сам переел и Су И опасался, что у того заболит живот, Чжун Ханя отправили с Тан Цюэ на деревянный настил у берега поиграть с другими детьми.

Додо был большим любителем суеты. Наевшись вдоволь, он тоже выскользнул наружу, бродить где-нибудь поблизости, выискивая, не покажется ли водяная крыса. Раньше этот кот был тощим до крайности, кожа да кости, но как попал в дом Чжун, так его и начали хорошо кормить. Теперь это был крепкий, жилистый кот, который, тем не менее, начал заметно округляться. Он весь день охотился на воле, ел рыбу, креветок, а дома его ждали ещё и остатки с ужина. Если похлопать его по пузу, было слышно, как оно гулко отзывается.

Люди и кот ушли, на лодке остались лишь Чжун Мин и Су И. Последний закрыл дверь в каюту и, взяв полотенце, стал тереть спину мужчине, сидящему в купальной кадке. Из-за тесноты на лодке купальню они покупали тоже небольшую. Су И в ней помещался в самый раз, а вот Чжун Мину в ней было немного тесновато.

По сути, эту кадку вообще приобрели к свадьбе специально для нового супруга. Сам Чжун Мин обычно мылся наспех, выливая на себя воду из таза. В обычные дни и так сойдёт, но сегодня Су

И настаивал, что после дороги надо как следует отмокнуть и снять усталость. Не слушая отговорок, он усадил его в воду.

— Я ведь не сильно грязный, да? — с легкой тревогой спросил Чжун Мин, опираясь руками о борта кадки и чуть наклонившись вперёд, чтобы оголить спину и дать Су И удобно её вымыть.
— Я и на корабле всё это время каждый день мылся.

Хотя ощущение того, как супруг тёр ему спину, было по-настоящему приятным, всё же, если вдруг мочалка сотрёт явную грязь, это ведь испортит всю атмосферу. Маленький гер работал старательно: тёр несколько раз, затем смачивал ткань заново. Когда наклонялся ближе, лёгкое, тёплое дыхание касалось кожи - нежное и тёплое, будто успокаивающее прикосновение.

— Ты не грязный, — сказал Су И. — Всё время в морской воде, откуда грязи взяться. Я спину тебе просто протру, для формы.

Он добавил:

— Только у тебя спина красноватая от солнца. Не болит, когда трогаю? Сейчас вытру насухо, потом смажу соком алоэ.

На море солнце самое беспощадное, и не редкость, когда мужчины, вернувшись после выхода в море, облезают от загара, а кожу жжёт так, что дотронуться невозможно. Потому на лодках у жителей воды всегда в запасе свежесжатый сок дикого алоэ. Если обгорел, сразу мажут, и если повторять несколько раз, скоро всё заживёт.

Чжун Мин хотел уже сказать, что не любит мазаться, что прошлый раз с лекарственным маслом ещё куда ни шло, а алоэ — дело лишнее. Но тут внезапно мелькнула мысль, он что-то вспомнил, проглотил все возражения и пересилил себя:

— Хорошо.

Су И, увидев, что Чжун Мин послушался, мягко улыбнулся, тщательно вытер ему спину, прополоскал ткань и повесил её сушиться.

— Ну вот, теперь мойся сам, а я пойду найду сок алоэ.

Такую вещь, что используется не каждый день, на виду не держат. Каюта и без того крохотная, едва с ладонь, и если что-то понадобилось, неизбежно приходится перерыть всё вверх дном.

Влажный пар наполнял воздух, а позади раздавался плеск воды. Су И, следуя на слух, нашёл сок алоэ в низком шкафчике, стоявшем в углу. Говорили, этот шкаф сделали ещё к свадьбе родителей Чжун Мина. Тогда использовали хорошее дерево, и хоть он с тех пор всё время стоял

на лодке, на воде, ни гнили, ни перекосов на нём не появилось. Мелочи в нём хранить было очень удобно.

Он взял банку с соком и встряхнул её у уха, прислушиваясь к звуку внутри, потом повернулся и сказал:

— Думал, там уже почти ничего не осталось, боялся, что не хватит... а на деле полбанки ещё есть, на этот раз точно...

Не успел он договорить, как невольно поднял глаза и увидел, что мужчина, который только что сидел в кадке, теперь стоял в ней, слегка наклонив голову. Перед Су И предстали широкая спина, подтянутые бёдра и длинные, крепкие ноги — каждый изгиб и линия под кожей чётко проступали в движении.

Стоило ему лишь подумать о том, что будет, если Чжун Мин сейчас обернётся, и что тогда окажется у него на виду, как лицо Су И вспыхнуло жаром, будто в пламя окунули. Он резко отвернулся, спиной к купальне, с бешено заколотившимся сердцем, почти уверенный, что Чжун Мин нарочно всё это устроил.

На деле же у Чжун Мина и в мыслях не было чего-то подобного. Просто в купальне было тесно и неудобно, он чувствовал себя зажатым, и потому попросту встал, чтобы легче было мыться. Пусть даже в каюте из-за роста ему приходилось сгибаться, всё было лучше, чем плескаться в ограниченном пространстве.

На середине омовения он вдруг опомнился, оглянулся и увидел, что его супруг сидит на коленях, повернувшись к выходу из каюты, уткнувшись головой вниз, словно в чем-то копошился. Такой маленький и согнувшийся он напоминал гриб.

Чжун Мин нарочно откашлялся и позвал:

— А-И.

Продолжая держать банку с соком алоэ, Су И медленно повернул голову набок, но не обернулся полностью. Щёки и особенно уши у него были ярко-розовые, и голос прозвучал тихо, сдержанно:

— Что?

— Я вымылся, — позвал Чжун Мин. — Поддай мне сухое полотенце, вытру волосы и оденусь.

Су И, даже подозревая, что у Чжун Мина на уме, возможно, «нечистые намерения», всё равно не мог заставить себя отказать. Он поставил банку с алоэ обратно и мелкими шагами подошёл за сухим полотенцем, всё это время старательно избегая взгляда в сторону купальни.

Чжун Мин всё это видел и находил его поведение безмерно милым.

Когда, наконец, полотенце оказалось у него в руке, Су И протянул его вперёд, но тот, вместо того чтобы взять аккуратно, резко схватил его за запястье - ту самую руку, в которой было полотенце. Гер от неожиданности растерялся, совсем забыл, куда смотреть, и взгляд, скользнувший мимо в спешке, всё же зацепился за то самое, на что он смотреть не хотел. И, как он и опасался... зрелище оказалось совершенно «пугающим».

Мгновенно в памяти всплыли все те ночи, когда в каюте давно уже гас свет, и не только лицо его вспыхнуло жаром, но и ладони, охваченные лихорадочной дрожью.

А ведь была ещё одна вещь, которую он обещал Чжун Мину...

Су И поспешно сунул полотенце ему в руки, отвернулся и, собравшись с духом, тихо сказал:

— Сначала... оденься.

<http://bllate.org/book/13583/1205036>